

слав. *x*, как известно, существует разрыв. Источником *x* в русск. *lox* послужило не *ks* (не смешивать с и.-е. *ks!*), а скорее всего экспрессивное суффиксирование *-x/š-*, встречающееся в кратких и усеченных словах.

О. Н. Трубачев

Георгиев В. И., Заимов И., Илчев Ст., Чалъков М., Тодоров Т., Български етимологичен речник. Св. XI—XII (т. II): каластър—качак. София, 1976, с. 161—288; Георгиев В. И., Заимов И., Иванов И., Илчев Ст., Тодоров Т. Български етимологичен речник. Св. XIII—XIV (т. II): качамък — клякам. София, 1977, с. 289—448

Продолжение «Болгарского этимологического словаря», рецензируемое ныне, представлено двумя весьма объемистыми (спаренными) выпусками. В них содержится значительная часть болгарской лексики на *K-*. Как и в других славянских языках, словарный состав на *k-* начальное чрезвычайно обширен и богат (достаточно сказать, что в этимологических словарях, по традиции слабо отражающих приставочные образования, буква *K* самая большая). К этому нужно добавить, что слова, начинающиеся на *k-*, оказываются средоточием множества трудных проблем собственно славянской этимологии (отражение исконно веллярного или лабиовеллярного индоевропейского задненебного, веллярного коррелята индоевропейскому палатальному задненебному и т. д.). В довершение всего лексика на *k-* начальная в славянских языках, как правило, бывает критически перегружена всевозможнейшими поздними заимствованиями из разных языков. Эта характеристика в полной мере приложима к болгарскому лексикону на *k-*, где представлены все языки Леванта, затем (несколько менее многочисленными) заимствования из европейских языков. Грецизмы, турцизмы, вообще — заимствования преобладают на каждой словарной странице, например, над старой праславянской фондовой лексикой.

Как и предыдущие части этого словаря, рецензируемые выпуски XI—XII и XIII—XIV отличаются прежде всего богатством словника. Кроме слов болгарского литературного языка, здесь дается много диалектной лексики, причем не только из болгарских территориальных говоров, но и из социальных диалектов, арго: ученический, портняжный, воровской жаргон (тарикатски език). В словаре собрана масса полезной информации, но лексикографически это выполнено не всегда удачно, с частыми повторами, когда заглавными словами оказываются незначительные диалектные фонетические варианты одного и того же слова, а это влечет за собой многократное дублирование характеристик и определенную избыточность в подаче информации (примеры — ниже).

На с. 166 содержится неточное утверждение, что слово *калѣбър* родственно слову *калѣн* (точная так же на с. 179 утверждается, что *калѣн* 'литейная форма', 'сапожная колодка' «родственно *калѣбър* (см.)»). Разумеется, речь здесь может идти только о так называемых этимологических дублетах, когда два слова (или несколько слов) разными пердаточными путями восходят к одному первоисточнику, в данном случае — через араб. *qālib* к греч. *καλόπους*, тогда как под родством принято понимать генетическую связь. Диал., редк. *кар*¹ 'рядом' производится прямо от *край* «с неясными фонетическими изменениями» (с. 228), однако нужно, очевидно, принять непосредственную производящую основу **кръ*, как о том свидетельствует однородная структура наречных приставочных сложений ст.-слав. искр. 'близ' и болг. диал. *накар*, *покар* 'рядом, около'. На с. 233 приводятся как праславянские формы **krokъ*, **kroatъ*, тогда как следовало дать при этом их дOMETATEЗНОЕ состояние **korкъ*, **korkatъ*. Античное название города Балчика имело вид *Κροχίοι* (ср. В. В. Латышев. ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 227), а не *Κροχίαι*, как на с. 244 словаря. На с. 252 ошибочно дано *корбсник* вместо *карбсник*. На с. 257—258 по-

мещены три отдельных словарных статьи, в которых анализируются варианты диалектного названия подснежника — *карциджик*, *карчижи*, *карчицек*, производимого (с небольшими оговорками) от тур. *karçiçeği* то же, что повторяется практически три раза подряд (см. сказанное выше об элементах избыточности). Гот. *hwarþjan*, *hwarþ* на с. 308 даны с опечаткой *hwarþan*, *hwarþ*, ср. еще *hleipra* (с. 440), вместо правильного *hleifra*. Слово из воровского жаргона *кѣнзам* 'ходя по голяма нужда', объясняемое в словаре (с. 329) из аориста от греч. *κενώω* 'опорожнять', имеет смысл связать с греч. *χεῖμα* 'испражняться', откуда, например, происходит русск. диал. *хѣять* то же, жаргонное слово (см. о нем Фасмер IV, 233). Не раскрыт характер словообразования диалектного названия сорта винограда *кѣрацаўда*, о котором говорится (с. 334) как о производном от *кѣраца*, слово греческого происхождения. Сказанного явно недостаточно, требуется отметить, что и *кѣрацаўда* по способу словообразования и форманту — греческое слово. Трудно принять авторскую точку зрения, что *китяса*, *китяса* 'заиндеветь, покрываться инеем, снегом' — производное от *кид* 'иней', наряду с *кидам* (с. 355). Здесь надлежит считать за контаминацией двух разных праславянских основ — **kyd(ati)* и **kytiti*, ср. об этом ниже, на с. 392 (*кит*²). Лит. *kūpėti* 'кипеть' искажено на с. 378 до неузнаваемости. Крайним примером уже упоминавшейся словарной избыточности, в общем довольно характерной для рецензируемых выпусков словаря, могут служить статьи о названиях колодца, источника — *кляденец* (с. 412—413), *клябенец* (с. 413), *клябенец* (там же), *кляйнец* (с. 414), *кляйц* (там же), *клянц* (с. 417), *кля́нц* (с. 419), *кля́нц* (с. 427). Равноправная лексикографическая трактовка явных аллогорфов (см. с. 414), т. е. элементов речи, а не языка и тем самым — не словаря, вызывает большие сомнения. Точность и полнота словообразовательно-этимологического анализа в словаре нередко оставляют желать лучшего. Так, например, на с. 445 авторы прошли мимо того явного факта, что суф. *-ор*, выступающий в собирательных именах вроде диал. *клячор* 'палки', *железбр*, *женоря*, находится в определенной зависимости от румынского суффикса множественного числа существительных *-uri*, о чем говорит и география соответствующих болгарских диалектных образований — Софийский округ, Банат, западноирийские говоры.

О. Н. Трубочев

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. 1: A — bohót. Bautzen, 1978, S. XXXI + 48:

Уже довольно богатая литература по этимологической лексикографии славянских языков продолжает пополняться новыми полезными публикациями. Среди них — «Историко-этимологический словарь верхне- и нижнелужицкого языка» Х. Шустер-Шевца. «Создание этимологического словаря лужицких языков отвечает актуальной и настоятельной потребности славянского языкознания», — этими словами начинается предисловие автора. Он справедливо отмечает, далее, «что лужицкие языки до сих пор использовались для объяснения славянского словарного состава в целом слишком мало. При этом как раз знание серболужицкого имеет большое значение для славянских историко-этимологических исследований» («Vorwort», S. V).

Серболужицкого этимологического словаря до сих пор не существовало, что, естественно, повышает интерес к новому словарю Шустер-Шевца и вместе с тем налагает большую ответственность на автора этого первого и пока единственного справочника по серболужицкой этимологии. Поскольку для серболужицких языков нет также исторического словаря, автор сознательно расширяет привлечение данных письменной истории и придает своему труду характер историко-этимологического словаря. Бесспорной заслугой Шустер-Шевца явилось включение накопленного наукой диалектологического материала по обоим серболужицким языкам. Специфическая структура и назначение данного словаря двух языков ставили перед автором задачи практи-